В. И. Васильев

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРА

(НА САМОДИЙСКИХ МАТЕРИАЛАХ)

Список работ, посвященных исследованию процессов этнического сложения народов Крайнего Севера СССР, довольно обширен. Если исключить публикации, касающиеся частных вопросов, то в него войдут работы В. Н. Чернецова об этногенезе обских угров, Б. О. Долгих о происхождении нганасан, долган и энцев, И. С. Вдовина об этногенезе ительменов, книга Л. В. Хомич, где рассматривается генезис ряда элементов традиционной культуры и освещаются некоторые события этнической истории ненцев, монографии М. Г. Левина по этнической антропологии народов Дальнего Востока, И. С. Гурвича и И. С. Вдовина по этнической истории Северо-Востока Сибири и Камчатки[1]. Сюда же примыкает и книга Г. И. Пелих о происхождении селькупов[2].

И все же на сегодняшний день нет ни одной работы, где бы на материалах народов Севера сложение определенного этноса было прослежено в историко-хронологической последовательности от самых начальных этапов этого процесса до нашего времени. Более того, подобных работ немного и в общем фонде советской этнографической науки.

Такое положение, с нашей точки зрения, объясняется двумя причинами: сложностью исследуемых вопросов, требующих привлечения разнообразного и широкого круга источников из различных областей исторической науки и смежных научных дисциплин и кропотливой многолетней экспедиционной работы непосредственно в среде изучаемого народа, а также общей неразработанностью теории формирования народов на отдельных этапах и фазах их исторического и этнического развития.

Если начать со второй из названных причин, то нельзя не отметить, что, хотя проблема формирования народов интересовала еще историков античного времени и эпохи Средневековья, попытки теоретического ее осмысления были предприняты главным образом советскими исследователями.

---

[1] *В. Н. Чернецов.* Очерк этногенеза обских угров.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), вып. IX, М., 1941; *Б. О. Долгих.* Происхождение нганасанов.— В кн.: «Сибирский этнографический сборник», I («Труды Ин-та этнографии», далее — ТИЭ, т. XVIII), М.— Л., 1952; *его же.* Происхождение долган.— В кн.: «Сибирский этнографический сборник», V, (ТИЭ, т. 84), М., 1963; *его же.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; *И. С. Вдовин.* К проблеме этногенеза ительменов.— «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1970, № 3; *Л. В. Хомич.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976; *М. Г. Левин.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958; *И. С. Гурвич.* Этническая история Северо-Востока Сибири.— ТИЭ, т. 89, М., 1966; *И. С. Вдовин.* Очерки по истории и этнографии чукчей. Л., 1965; *его же.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1974.

[2] *Г. И. Пелих.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Важным хронологическим этапом явилась вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов, когда по данной проблеме были опубликованы статьи А. Д. Удальцова, М. И. Артамонова, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова [3].

И тем не менее приходится признать, что общая теория формирования и этнического развития современных народов в законченном виде еще не разработана. Об этом свидетельствует прежде всего крайняя расплывчатость терминологии и, в частности, различная трактовка учеными, работающими в указанной области, понятий «этногенез» и «этническая история». Существует «широкое» и «узкое» толкование этих терминов. В первом случае этногенез рассматривается как составная часть истории этноса на всех этапах его развития [4], во втором — только на определенных начальных этапах, когда этнос синтезируется из различных, зачастую лингвистически и антропологически разнородных компонентов в целостное ядро [5]. Наконец, стоит привести и известное определение этногенеза как «элементов, из которых составилась данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ», принадлежащее С. А. Токареву [6]. Как видим, это определение фактически не оставляет места для применения термина «этническая история», обнимая все стадии формирования и развития народности обобщенным термином «этногенез». Столь же неправомерно, с нашей точки зрения, излишне архаизировать термин «этническая история», распространяя это понятие на все стадии развития человеческого общества, начиная «от появления Homo sapiens», как это делает Ю. Б. Стракач [7].

Автор настоящей статьи считает необходимым разграничивать оба названных термина, понимая под этногенезом процесс исторического *формирования* этноса или, иными словами, его сложения из разнородных (разноязычных, разнорасовых) этнических компонентов [8]. В этой связи нас особенно привлекает определение Н. Н. Чебоксарова, который рассматривает этногенез как «историю всех коллективных этнических предков», вошедших в состав какой-либо этнической общности [9]. Мы также считаем необходимым подчеркнуть, что «при разборе этногенеза любого народа следует иметь в виду *только коллективных этнических предков*» [10] (курсив мой.— *В. В.*). Если стоять на этой точке зрения, то период исторического развития этноса, с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современный период, логически попадает под понятие «этническая история». Иными словами, под этнической историей понимается процесс исторического *развития* определенного сформировавшегося этноса.

Конечно, на длительном пути исторического развития этнос включает в себя иноязычные этнические группы, утрачивает определенные части собственной структуры, поглощаемые инородной, иноязычной сре-

---

[3] *А. Д. Удальцов.* Теоретические основы этногенетических исследований.—СЭ (сборник статей), 1947, VI—VII; *М. И. Артамонов.* К вопросу об этногенезе в советской археологии.— КСИИМК, вып. XXIX. М., 1949; *С. А. Токарев.* К постановке проблем этногенеза.— СЭ, 1949, № 3; *С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров.* Методология этногенетических исследований на материале этнографии.— СЭ, 1951, № 4.

[4] *М. Г. Левин.* Указ. раб., с. 5.

[5] *Ю. В. Бромлей.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 237, 238.

[6] *С. А. Токарев.* Указ. раб., с. 15.

[7] *Ю. Б. Стракач.* Периодизация этнической истории как научная проблема.— В сб.: «Бахрушинские чтения», вып. 1. Новосибирск, 1973.

[8] С аналогичной трактовкой понятия «этногенез» недавно выступил и М. В. Крюков (*М. В. Крюков.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— В сб.: «Расы и народы», вып. 6, 1976, с. 63).

[9] *Н. Н. Чебоксаров.* Проблемы происхождения древних и современных народов. Вступительное слово на симпозиуме.— В сб.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук» (далее — МКАЭН). М., 1970, с. 757.

[10] Там же, с. 756.

дой. Этот процесс фактически перманентен и пронизывает всю историю этноса в качестве необходимого и даже обязательного условия его развития. С таких позиций термин «этногенез» применим и для периода этнической истории, когда основное ядро этноса уже сформировано, но он продолжает впитывать (или отторгать от себя) определенные компоненты. И в этом смысле правомерно говорить о том, что этническая история включает в себя элементы этногенеза.

И тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что в данном случае этногенетические процессы не являются определяющими, а носят сопутствующий характер, как всего лишь одно из условий исторического развития этноса.

Терминологическое разграничение понятий «этногенез» и «этническая история» требует, как нам уже приходилось писать ранее [11], дифференцированного подхода.

В советской исторической литературе, касающейся разработки названной проблематики, всегда отмечалась необходимость комплексного использования данных различных наук: археологии, антропологии, этнографии, лингвистики и др. Это положение, наиболее полно обоснованное С. А. Токаревым [12], в последнее время неоднократно подчеркивавшееся Ю. В. Бромлеем [13], применительно к малым народам Севера нашло освещение в работе И. С. Гурвича [14].

Полностью разделяя указанную точку зрения, мы хотели бы обратить особое внимание на то обстоятельство, что степень значимости данных различных научных дисциплин для исследования процессов этногенеза и этнической истории одного и того же народа не одинакова. Очень важно иметь в виду, что, поскольку процесс накопления исходных материалов в различных отраслях науки идет с разной степенью интенсивности, их роль в решении вопросов этногенеза и этнической истории коренных народов на определенных временных этапах может существенно меняться.

Переходя непосредственно к проблемам формирования и этнического развития самодийских народностей, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что исследование их этногенеза в первую очередь сводится к выявлению этнических (родовых, родо-племенных) компонентов, результатом взаимодействия которых явилось сложение современных ненцев, энцев, нганасан и селькупов как самостоятельных этносов. Поэтому наряду со сравнительно-лингвистическим анализом словарного фонда современных самодийских языков и языков ныне исчезнувших самодийских групп Южной Сибири большое значение для решения проблем этногенеза приобретают данные этнонимики [15]. Как справедливо отмечают лингвисты, этнонимы часто заимствуются независимо от их языковой принадлежности, в результате чего в этнонимических названиях нередко консервируются древние фонетико-морфологические и лексические явления [16].

В сочетании с историческими, топонимическими, фольклорными и другими источниками материалы этнонимики позволяют выявить в составе ненцев и других северосамодийских народов этнические подразделения, относительно которых можно с большей или меньшей степенью

---

[11] *В. И. Васильев.* Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера.— В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири». Томск, 1976.

[12] *С. А. Токарев.* Указ. раб.

[13] *Ю. В. Бромлей.* Указ. раб., с. 237, 238; *его же.* Этнография на современном этапе.— «Коммунист», 1974, № 16, с. 67.

[14] *И. С. Гурвич.* Изучение этногенеза народов Севера в советский период.— В сб.: «Этногенез и этническая история народов Севера». М., 1975.

[15] *С. А. Токарев.* Указ. раб., с. 28—30; *М. Г. Левин.* Указ. раб., с. 22.

[16] *Ф. С. Цаплин.* Этнонимия в алтаистике.— В сб.: «Проблемы алтаистики и монголоведения», 1975, вып. 2, сер. лингвистики, М., с. 98, 99.

вероятности предполагать их южносибирское или же автохтонное происхождение.

Еще М. А. Кастрен обратил внимание на то, что отдельные родовые названия «самоедов» Сибирского Севера находят аналогии в родовом составе камасинцев, карагасов и других небольших в численном отношении народов, населяющих область Саянского нагорья [17]. К настоящему времени список таких сопоставлений основательно пополнился [18].

В первую очередь, обращает внимание название Маду у тундровых энцев (выступающее обычно как собирательное для всей этой самодийской группы), а также родовые имена Сойта и Мундеда. К числу южносибирских этнонимов в составе лесной группы энцев можно отнести родовые названия Муггади, Бай, Ючи и Аседа. Если обратиться к ненецким материалам, то в аспекте южносибирских связей заслуживают рассмотрения этнонимы Харю (Кара) — у тундровых ненцев; Нгэваседа, Юуси и Вэла — у лесных ненцев; Выучи, Вэли, Лэхэ и Тайбари (Тысыя) — у ненцев Европейского Севера.

Что же касается родовых или родо-племенных компонентов в составе современных северосамодийских народностей, которые восходят к автохтонному досамодийскому населению Европейского Севера и Западной Сибири, то здесь материалы этнонимики дают сравнительно немного.

Пожалуй, наибольшего внимания заслуживает гипотеза Ю. Б. Симченко, согласно которой формант «чера», присутствующий в северосамодийских языках в качестве составной части ряда этнонимических и топонимических названий, выполняет роль своего рода этнического определителя [19]. В частности, как считает этот исследователь, присутствие данного форманта в родовых названиях типа Фалочера (Чуначера) и Линанчера у нганасан, Соляндер (Сольянчер) и Лаптандер у тундровых европейских и сибирских ненцев одновременно служит указанием на генетическую связь членов этих родов с автохтонным населением Заполярья [20].

Важным лингвистическим источником при исследовании процессов этногенеза являются материалы топонимики, которые впервые были использованы в работах исторического характера еще в конце прошлого века [21]. Значение этих материалов особенно возросло в послевоенные годы в связи с широко развернувшимися исследованиями в области топонимики почти на всей территории СССР. При этом приемы и методы использования данных топонимики в исторических работах постоянно совершенствовались [22], в особенности, когда это касалось «дописьменной истории и истории бесписьменных народов» [23].

Наиболее значительные достижения сибирской топонимики связаны с именем А. П. Дульзона. На опубликованной им топонимической карте

---

[17] *M. A. Castren.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Pb., 1856, S. 389.

[18] *В. И. Васильев.* К проблеме этногенеза северосамодийских народов.— В сб.: «Социальная организация и культура народов Севера», М., 1974.

[19] *Ю. Б. Симченко.* Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии.— В сб.: «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, с. 194—198.

[20] Там же, с. 200, 204; *Ю. Б. Симченко.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 46, 47.

[21] *А. Соболевский.* Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии.— «Живая старина», т. 5, вып. 1, 1895.

[22] *С. Б. Веселовский.* Топонимика на службе истории.— «Исторические записки», кн. 17, 1945; *А. И. Попов.* К вопросу об использовании данных топонимики в историческом исследовании.— «Вестник ЛГУ», вып. 3, 1948; *Б. А. Серебренников.* О методах изучения топонимических названий.— «Вопросы языкознания», вып. 6, 1959.

[23] *В. А. Жучкевич.* К вопросу о возможностях и приемах применения топонимики в исторических исследованиях.— «История СССР», 1971, № 3.

Западной Сибири в пределах лесостепной зоны выделены три обширных ареала гидронимов: «ча» — в пределах Горного Алтая и на Саянах (главным образом в бассейне реки Кемчик) и «ба» — в двух далеко территориально отстоящих друг от друга регионах (в бассейне обских притоков Ини и Чумыша и на правобережье Енисея к северу от устья Тубы) [24].

Несколько ранее на широкое распространение этого гидронима в Восточно-Саянской горной области и частично в Западном Присаянье указал Л. Р. Кызласов [25]. На территории северо-восточной Тувы целый ряд самодийских по принадлежности гидронимов выявлен С. И. Вайнштейном [26]. Значительный круг самодийских гидронимов устанавливается также в Прибайкалье, на территории современной Бурятии [27].

В значительно меньшей степени разработана этнотопонимика Европейского Севера и Северной Сибири. Особенно это касается ее субстратного досамодийского пласта, который практически еще не выявлен на уровне установления этнической природы формантов. Однако известные шаги сделаны и в этой области, правда, главным образом на европейско-северорусском материале [28].

В литературе уже отмечалось, что для установления территорий и границ расселения этнических групп Сибири в древности, комплекса их хозяйственных занятий, специфических черт материальной культуры и быта и, в конечном итоге, решения проблем этногенеза важное значение имеют материалы археологии [29].

Значительный объем археологических работ, осуществленных на территории Западной Сибири, в особенности в последние десятилетия, открытие новых культурных памятников существенно обогатили разработку ранних этапов этногенеза самодийцев.

В 1963 г. В. Н. Чернецовым была высказана мысль о том, что при первоначальном расселении с юга (из района Приаралья.— *В. В.*) «самодийская ветвь... занимает территорию, лежащую несколько восточнее зауральской культуры финно-угров, т. е. приречные долины по Ишиму и Иртышу» [30]. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие и в более поздних работах В. Н. Чернецова. Он, в частности, писал, что в средней фазе неолита (т. е. около IV тысячелетия до н. э.) пространство от Иртыша до среднего и верхнего Енисея «следует рассматривать как территорию формирования древнесамоедских групп» [31].

Наиболее существенные достижения западносибирской археологии в области этногенетики в последнее время связаны с именем М. Ф. Косарева. В ряде работ он нарисовал стройную картину ранних этапов самодийского этногенеза. Согласно мнению М. Ф. Косарева, в позднем неолите Западной Сибири достаточно отчетливо выделяются два боль-

---

[24] *А. П. Дульзон.* Этнический состав населения Западной Сибири по данным топонимики.— «Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960, см. карту между с. 2 и 3.

[25] *Л. Р. Кызласов.* К вопросу об этногенезе хакасов.— В сб.: «Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы, истории», вып. VII. Абакан, 1959, с. 73.

[26] *С. И. Вайнштейн.* Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 21.

[27] *М. Н. Мельхеев.* Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. 35.

[28] *А. К. Матвеев.* О древнем расселении самодийцев по данным топонимики.— В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964; *его же.* Субстратная топонимика Русского Севера.— «Вопросы языкознания», 1964, № 2.

[29] *Л. Р. Кызласов.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири.— «История СССР», 1975, № 6.

[30] *В. Н. Чернецов.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности.— В сб.: «Congressus internationalis Fenno-Ugristarum», Budapestini Habitus, 20—24.IX. Budapest, 1960, p. 410, 411.

[31] *В. Н. Чернецов.* Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии.— В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири» (далее — ПАС). Томск, 1969, с. 116—118.

ших этнокультурных массива: западный (зауральский) и восточный (самусьско-нарымский) [32], первый из которых по этнической принадлежности был самодийским [33].

В то же время сходство поздненеолитической гребенчатой керамики Зауралья с ямочно-гребенчатой керамикой Волго-Камского ареала Восточно-Европейской равнины позволяет, с точки зрения М. Ф. Косарева, считать именно Волго-Камье той исходной территорией, где в эпоху развитого неолита происходило формирование самодийской языковой семьи. Отсюда, как он полагает, «самоеды» в позднем неолите переместились за Урал и постепенно распространились далее на восток на все пространство Обь-Енисейского лесостепного междуречья вплоть до района современного Красноярска [34], в окрестностях которого обнаружены комплексы неолитических памятников с гребенчатой керамикой, генетически связываемые А. П. Окладниковым с самодийским этносом [35].

Эпоха бронзы и раннего железа (II — середина I тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э.) на юге Западной и Средней Сибири знаменуется целым рядом чрезвычайно разветвленных по своим географическим параметрам археологических культур, этническая принадлежность носителей которых устанавливается, однако, далеко не бесспорно. К их числу, например, принадлежит еловская, которая выделилась еще в позднем неолите. Создателями этой культуры, дислоцировавшейся первоначально на территории Среднего Прииртышья, а позднее утвердившейся и в Томско-Нарымском Приобье, было охотничье-рыболовецкое население, которое М. Ф. Косарев по этнической принадлежности склонен считать самодийцами [36].

В VII—V в. до н. э. севернее Томска (в нижнем и среднем течении Чулыма и верховьях Кети) существовала молчановская археологическая культура, послужившая затем основой для возникновения кулайской археологической культуры Нарымского Приобья и родственных культур раннего железного века Притомья. Хотя в настоящее время большинство археологов разделяют мнение об этнической многокомпонентности кулайской культуры, положение В. А. Могильникова о том, что основное ядро ее составляли самодийские племена [37], находит подтверждение и в работах Л. А. Чиндиной, исследовавшей памятники последующего релкинско-малгетского этапа (VI—VIII вв. н. э.), обнаруживающие определенную культурную преемственность с кулайскими комплексами [38].

С самодийским этническим элементом связывается в настоящее время большереченская культура Верхней Оби (VIII в. до н. э.— I в. н. э.) [39], влияние которой прослеживается и дальше на север в Новосибирское

---

[32] *М. Ф. Косарев.* Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке.— В сб.: «Из истории Сибири» (далее — ИИС), вып. 7. Томск, 1973, с. 65; *его же.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 148.

[33] *М. Ф. Косарев.* Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья.— «Сов. археология» (далее — СА), 1966, № 2.

[34] *М. Ф. Косарев.* Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке, с. 69, 70; *его же.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с. 155.

[35] *А. П. Окладников.* Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен).— СА, 1957, № 1.

[36] *М. Ф. Косарев.* Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке, с. 17; *его же.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с. 148, 154, 155.

[37] *В. А. Могильников.* К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— ПАС, Томск, 1969, с. 176.

[38] *Л. А. Чиндина.* Могильник «Релка».— В сб.: «Вопросы истории Сибири», вып. 8. Томск, 1974.

[39] *В. А. Могильников.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— В сб.: «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, с. 190.

Приобье[40]. В. А. Могильников считает самодийской также среднеиртышскую культуру, дислоцирующуюся на сравнительно компактном участке Прииртышья, примыкающем к низовьям р. Оми и по р. Таре. По предположению этого исследователя, носителями среднеиртышской культуры были лесные древнесамоедские племена, проникшие со Средней Оби на Иртыш в последней трети I тысячелетия до н. э.[41] В одной из недавних работ В. А. Могильникова к самодийцам причислены и носители верхнеобской культуры, памятники которой располагались в лесных районах Приобья к югу от Новосибирска, главным образом по правобережью Оби. Как предполагает В. А. Могильников, генетически с населением верхнеобской культуры связаны маторы, койбалы и некоторые другие южносамодийские этнические группы[42].

Сравнительно недавно была высказана точка зрения и о возможной принадлежности к самодийцам части населения таштыкской культуры[43]. В последнее время археологи склонны считать самодийскими и знаменитые культуры Обь-Иртышского бассейна — усть-полуйскую (во всяком случае на ее заключительном этапе) и потчевашскую, а В. Ф. Генинг допускает даже, что в середине I тысячелетия н. э. самодийцы обитали к западу от Урала. «Коль скоро,— пишет он,— нам удалось установить родственность куштерякского и каралкуловского типов (археологические комплексы на территории современной Башкирии, в бассейне р. Белая.— *В. В.*) с западносибирскими культурами середины I тысячелетия н. э., то мы и приуральское население можем считать самодийским по своему происхождению»[44].

С позиций гипотезы о двухкомпонентности самодийского этногенеза важное значение приобретают и археологические памятники, обнаруженные в Заполярье и Приполярье, на территории современного расселения ненцев и родственных им по языку народов.

Хотя число подобных памятников пока еще сравнительно невелико, можно наметить три группы археологических комплексов, видимо связанных генетически с досамодийским аборигенным населением тундровой зоны: большеземельский — в Большеземельской тундре, ямальский — на северной оконечности полуострова и, наконец, разветвленный ствол разных по происхождению и хронологии культур, выявленных и обследованных Л. П. Хлобыстиным на центральном Таймыре. Анализ материалов указанных археологических памятников и в первую очередь большое сходство, если не сказать тождество, керамики большеземельских стоянок с керамикой стоянок с территории Нижней Оби позволили Л. П. Лашуку выдвинуть гипотезу об этническом единстве создателей обеих культур. По его предположению, большеземельская культура возникла в результате того, что охотники на дикого оленя в своем движении вслед за стадами этих животных пересекли Уральский хребет и проникли в североевропейскую тундру[45].

Значение антропологических данных и методика их использования при исследовании проблем этногенеза обстоятельно освещены в совет-

---

[40] *Т. Н. Троицкая.* Северные связи племен Новосибирского Приобья в I тыс. до н. э.— ПАС, Томск, 1969, с. 175.

[41] *В. А. Могильников.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа, с. 183, 184.

[42] *В. А. Могильников.* К проблеме тюркизации населения Притомья.— ПАС, Томск, 1976, с. 174—176.

[43] *В. А. Могильников.* К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья, с. 180; *его же.* К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— ИИС, Томск, вып. 7, 1973; *В. П. Алексеев.* К происхождению таштыкского населения Южной Сибири.— В кн.: «Проблемы археологии Урала и Сибири», М., 1973.

[44] *В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье в III—IV вв. н. э.— В кн.: «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1972, с. 214.

[45] *Л. П. Лашук.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, с. 27.

ской литературе [46]. Первые шаги в антропологическом исследовании самодийского этногенеза были сделаны еще до революции [47]. Из советских антропологов наиболее значительные работы в довоенные годы были выполнены С. А. Шлугером [48]. Последние антропологические обследования различных ненецких групп, выполненные Г. А. Аксяновой, дали интересный материал относительно меньшей степени монголоидности европейских ненцев, но в то же время не подтвердили наличия лопарской примеси у западных групп (тиманской, малоземельской) [49].

И. М. Золотарева на основании серологических материалов отнесла ненцев, энцев и нганасан к арктическому типу населения Северной Сибири, для которого характерна высокая частота группы *A*, низкая частота группы *B* и высокая частота группы *N* (равная или превышающая частоту *M*) [50]. В итоге она приходит к выводу, что по своему расовому типу современные нганасаны могут быть отнесены к древнейшему антропологическому пласту Северной Сибири, к которому из уральских народов принадлежат также юкагиры [51]. Соматологические наблюдения В. П. Алексеева над лесными ненцами позволили ему выдвинуть гипотезу, что последние обнаруживают определенные черты сходства с юкагирами [52]. Однако гипотезу об общности арктического субстрата на основании антропологических данных он ставит под сомнение [53].

Особенно важным в рамках темы самодийского этногенеза нам представляется вывод И. М. Золотаревой о том, что «антропологические материалы хорошо подтверждают концепцию отделения энецкого этногенеза от ненецкого». «Энцы,— пишет она далее,— вполне реально отличаются от енисейских ненцев по своему антропологическому типу в сторону усиления выраженности монголоидных особенностей» [54].

Важная роль этнографических данных и в первую очередь различных элементов, относящихся к сфере материальной культуры, для решения проблем этногенеза неоднократно отмечалась в литературе и обстоятельно разобрана в уже упоминавшейся работе С. А. Токарева [55].

Анализ материальной и духовной культуры ненцев, энцев и нганасан убедительно свидетельствует о двухкомпонентном сложении самодийского этнического круга. В частности, можно считать доказанным, что глухая одежда типа парки (у нганасан и энцев), существование у них в прошлом своеобразной нарты-лодки, послужившей прототипом будущей оленьей нарты, лыжи, а также культ матерей природы, различные обряды и запреты, связанные с промыслом дикого оленя и нерпы, почитание священных камней и т. д. восходят своими корнями к так называемому циркумполярному комплексу, этническим носителем которого было аборигенное досамодийское население тундровой зоны Европей-

---

[46] *Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, 1952, № 1; *М. Г. Левин.* Указ. раб.

[47] *С. И. Руденко.* Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири.— В сб.: «Записки АН по физико-математическому отделению», СПб., 1914, т. XXXIII, № 3.

[48] *С. А. Шлугер.* Антропологическое исследование ненцев.— «Краткие сообщения о научных работах Института и Музея антропологии МГУ», М., 1941.

[49] *Г. А. Аксянова.* Проблема древнейшего населения Европейского Севера в свете данных одонтологии.— «Вопросы антропологии», вып. 47, 1974, с. 189; *ее же.* Антропологические исследования у зауральских ненцев.— В сб. «Полевые исследования ИЭ, 1974». М., 1975, с. 239.

[50] *И. М. Золотарева.* Распределение групп крови у народов Северной Сибири.— «Доклад на VII МКАЭН». М., 1964, с. 6, 7.

[51] *И. М. Золотарева.* О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии.— СЭ, 1971, № 1, с. 44.

[52] *В. П. Алексеев.* Лесные ненцы.— «Вопросы антропологии», вып. 39, 1971, с. 73.

[53] *В. П. Алексеев.* Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры. — В сб.: «Этногенез и этническая история народов Севера». М., 1975, с. 73.

[54] *И. М. Золотарева.* Антропологическая дифференциация восточных самодийцев.— В сб.: «Антропология и геногеография». М., 1974, с. 228.

[55] *С. А. Токарев.* Указ. раб., с. 30—35.

ского Севера и Западной Сибири[56]. С югом Сибири, со своей стороны, связано большинство элементов самодийского оленеводческого комплекса[57], распашная одежда[58] и некоторые другие элементы материальной культуры[59].

Фольклор также может быть использован при решении проблем этногенеза конкретных народов. Это прежде всего этногенетические предания, в которых повествуется о происхождении или родственной взаимосвязи отдельных родов. Таковы, в частности, энецкие предания о происхождении рода Лодоседа; в них отмечается, что члены этого рода совершают дикие, несовместимые с нормальным поведением людей поступки. Как справедливо писал Б. О. Долгих: «Может быть, такими странными людьми казались пришедшим с юга предкам оленеводов-самодийцев аборигены Севера»[60].

Еще одна категория источников, которые могут быть привлечены для решения вопросов этногенеза,— исторические. Для бесписьменных народов, таких как ненцы, энцы и другие самодийцы, на первый план выступают русские источники, в частности архивные материалы XVII в. по югу Сибири. Родовые, ватажные, волостные и иные наименования, зафиксированные в этих документах, ныне уже почти исчезнувшие с историко-географической карты, имеют большое значение для этнонимических сопоставлений, позволяющих в свою очередь очертить границы былого расселения самодийских родо-племенных групп в Южной Сибири. С этой целью могут быть привлечены и древнетюркские надписи, а также материалы, содержащиеся в древнекитайских хрониках.

Совокупность перечисленных источников дает возможность говорить о том, что перемещение самодийцев в тундровые и таежные районы Заполярья и Приполярья происходило не одновременно, а несколькими волнами, каждая из которых продвинулась на Север, очевидно, независимо от остальных, под влиянием самостоятельных факторов, обусловивших этот процесс[61]. В результате синтеза самодийскоязычных пришельцев и автохтонов Заполярья и сформировалось этническое ядро современных северосамодийских народностей, основные элементы комплекса их материальной и духовной культуры.

Что же касается существующих языковых, антропологических, лингвистических и этнографических различий между отдельными самодийскими народами, то они в значительной степени объясняются, по-видимому, тем, что в каждом конкретном случае соотношение южносибирских и субстратных компонентных частей было различным. Кроме того, в состав тех или иных народов или даже этнографических групп бесспорно вошли различные по своей этнической природе южносибирские и субстратные подразделения. В отдельных случаях, как это имело место с нганасанами, наряду с самодийскими и субстратными этническими группами в этногенезе на его позднейших этапах активное участие принимали иноязычные (в данном случае тунгусоязычные) компоненты.

Конечно, необходимо учитывать, что когда мы имеем дело с конкретными северными этносами, завершающий этап их формирования с точки зрения абсолютной хронологии устанавливается в достаточной степени

---

[56] *В. Н. Чернецов.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре.— «Доклад на VII МКАЭН». М., 1964; *Ю. Б. Симченко.* Культура охотников на оленей Северной Евразии.

[57] *С. И. Вайнштейн.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя).— СЭ, 1970, № 6.

[58] *Н. Ф. Прыткова.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник.— В кн.: «Одежда народов Сибири». Л., 1970.

[59] *Л. В. Хомич.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев.

[60] «Мифологические сказки и исторические предания энцев». (Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих).— ТИЭ, т. LXVI, М., 1961, с. 225.

[61] *В. И. Васильев.* К проблеме этногенеза северосамодийских народов.

условно. В частности, для большинства малых народов Севера такой хронологической вехой принято считать конец XVI — начало XVII в., когда сибирские земли включаются в систему административного управления Российского государства и появляются первые исторические документы, позволяющие судить о численности, общественном устройстве и родовом составе коренных жителей.

* *
*

При оценке значимости источников, привлекаемых для освещения периода этнической истории определенных народов, выявляются существенные расхождения с теми критериями, по которым оценивались те же источники применительно к исследованию проблемы этногенеза.

Если обратиться к примеру северных самодийцев, то окажется, что использование материалов таких дисциплин, как археология, лингвистика и антропология при изучении вопросов, относящихся к области этнической истории, сравнительно ограничено. Поздние археологические памятники Европейского Севера и Западной Сибири почти не исследованы. Курганный комплекс в окрестностях Томска, верхняя граница которого датируется XV—XVI вв., принадлежит к числу немногочисленных исключений. Материалы, извлеченные из томских курганов, позволяют уяснить конкретное развитие и установить датировку процесса этнической смены населения на этой территории, в итоге которой местные самодийцы подверглись этническому и культурному воздействию тюрок и сложилась этнографическая группа еуштинцев в составе томских татар, которая даже этнонимически явственно выявляет свое генетическое родство с самодийским этносом.

Лингвистические материалы периода этнической истории — особенно важный вспомогательный источник при изучении этнических процессов, протекающих в контактных зонах с другими народностями, явлений билингвизма и многоязычия, а также исторических путей сложения определенных диалектов.

Применительно к самодийским народам данные лингвистики могут иметь большое значение при исследовании следующих вопросов: формирование лесных ненцев, обладающих специфическим диалектом; возникновение этнографической группы колвинцев в составе европейских ненцев, ныне почти полностью утративших родной язык и воспринявших ижемский диалект языка коми; распространение двуязычия среди энцев низовьев Енисея, которые наряду с родным языком широко употребляют в быту разговорный ненецкий язык, и др.

Сравнительно скромную роль играют при исследовании этнической истории материалы топонимики. Это объясняется в первую очередь спецификой данного источника, в основе своей сформировавшегося в весьма отдаленную историческую эпоху. Тем не менее вспомогательная роль топонимики сохраняется и при изучении этнической истории. В частности, наличие некоторых энецких топонимов на левобережье Енисейской губы подтверждает сведения, известные из исторических документов, о том, что еще три столетия назад эта территория была зоной энецкого освоения, откуда их затем оттеснили ненцы на противоположный берег реки.

Сохраняют свое значение при исследовании этнической истории и данные этнонимического анализа, хотя и в этом случае их роль далеко не так весома, как при работе над проблемами этногенеза.

Особенно велико значение этнонимических сопоставлений при выявлении иноэтнических вкраплений, вошедших в состав тех или иных самодийских групп уже на историческом этапе. Например, Б. О. Долгих на основании архивных материалов о расселении членов рода Вангутин в составе лесных энцев XVII в., а также его названия, которое он воз-

водит к ненецкому слову «ванг» (яма), высказал мнение о селькупском происхождении этого рода[62]. Свое предположение он, в частности, основывал на том, что этим словом ненцы именуют селькупов и кетов. Добавим к сказанному, что у тундровых энцев и поныне имеется родовое подразделение Багго (Ванг), которое ведет свое начало от некоего селькупа, поселившегося среди энцев.

Степень приложения антропологических данных к исследованиям в области этнической истории также довольно ограничена. Как справедливо отмечали в своей совместной статье Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, «значение антропологических источников в общем возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов»[63].

Применительно к этнической истории самодийских народов роль антропологических материалов наиболее существенна при изучении процессов формирования отдельных этнографических групп особенно в пограничных и контактных с другими народностями районах их расселения. Это касается в первую очередь Европейского Севера, где самодийское население уже в течение длительного времени испытывает культурное и языковое влияние коми и благодаря бракам с коми по антропологическому облику заметно отличается от основной массы ненцев.

При исследовании проблем этнического развития малых народов Севера одно из главных мест должно быть отведено историческим источникам, которые в свою очередь можно подразделить на три категории: 1) статистические материалы о численном и родовом составе (опубликованные или хранящиеся в архивах); 2) другие архивные документы или их публикации; 3) различные сведения, содержащиеся в литературе.

Статистические материалы, характеризующие численность и родовой состав самодийских народов в XVII—XIX вв., в большинстве своем не опубликованы. Ясачные книги XVII в., содержащие списки плательщиков из числа ненцев, энцев и нганасан, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ф. «Сибирский приказ», «Приказные дела новой разборки» и др.), а также в виде копий за первую половину XVII в. по Мангазейскому уезду в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 21). Ревизские переписи («сказки») второй половины XVIII — первой половины XIX в. по Европейскому Северу, к сожалению, сохранились только за отдельные годы — в Государственном архиве Архангельской области (ф. 51). По Сибирскому Северу они представлены более полно — в тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ф. 154). Сводные таблицы отдельных переписей XIX в., нередко снабженные квалифицированными комментариями, хранятся в Архиве Географического общества в Ленинграде (раз. 55, 64 и др.). Статистические данные переписи 1897 г. по Тобольской и Енисейской губерниям опубликованы С. К. Паткановым, а по Архангельской — Губернским статистическим комитетом[64]. Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. представлена в различных публикациях, из которых, с этнографической точки зрения, наиболее ценным следует признать сборник, изданный в 1928 г. в Свердловске[65]. Первичные материалы этой переписи по Туруханскому Северу хранятся в Государственном архиве Красноярского края — ГАКК (ф. Р-769).

---

[62] *Б. О. Долгих.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев, с. 194.

[63] *Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова.* Указ. раб., с. 25.

[64] *С. К. Патканов.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. I—II. СПб., 1911; «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года», т. I, СПб., тетр. 1—2, 1899; тетр 3, 1903.

[65] «Населенные пункты Уральской области», т. XII.— «Тобольский округ». Свердловск, 1928.

Если обратиться ко второй категории исторических источников, то в первую очередь следует назвать документы, вошедшие в тома Актов исторических, Дополнений к Актам историческим и в качестве приложений в первый и второй тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, публикацию наказа европейских ненцев в Екатерининскую комиссию, датируемого 1767 г.[66], и др.

Из неопубликованных архивных документов большое значение имеют сведения церковных метрических книг о крещении, рождении, браках и смертях самодийского населения, а также отчеты о деятельности духовных миссий, которые хранятся в перечисленных областных и краевых архивах и в окружных, районных и городских загсах ряда северных городов и поселков: Нарьян-Мара, Печоры, Инты, Сургута, Ханты-Мансийска, Дудинки, Мужей и др. Из других архивных документов особую ценность (например, для Туруханского Севера) представляют сведения о получателях муки из хлебозапасных магазинов, относящиеся к середине XIX в. (ГАКК, ф. 466, 471).

Для более позднего периода немаловажное значение имеют посемейные списки коренного населения различных родовых советов, составленные в конце 1920-х — начале 1930-х годов, а также материалы проводившихся в то же время землеустроительных экспедиций. Большая часть подобных материалов хранится в архивах названных окружных центров, а иногда и в действующих советских учреждениях (райисполкомах).

Наконец, отдельные сведения по этнической истории самодийских народов содержатся в произведениях историков, этнографов, географов прошлого и нынешнего столетий, описаниях путешествий по Западной Сибири и Европейской тундре, книгах и статьях, написанных чиновниками местного административного аппарата, церковнослужителями и т. д.

Сохраняют свое значение при работе над проблемами этнической истории и записи фольклора. Особенную весомость фольклорные материалы приобретают в тех случаях, когда письменные документы о каком-либо историческом событии по тем или иным причинам отсутствуют.

Среди произведений ненецкого и энецкого фольклора, например, выявляется несколько однотипных по своему сюжету преданий о «войнах», некогда происходивших между обоими народами. Согласно этим рассказам, решающее сражение разворачивалось на льду оз. Туручедо, расположенного в лесотундре примерно в 80 *км* от современного пос. Потапово (Дудинский район Таймырского национального округа). В один из полевых сезонов автору довелось побывать на берегах этого озера. Находившиеся со мной энцы и ненцы не только в деталях сумели восстановить на местности план сражения, но и утверждали, что до сих пор находят на берегах озера наконечники стрел и обломки копий. Это сражение, видимо, относится к середине XIX в.[67]

Между тем никаких прямых доказательств документального характера, подтверждающих это событие, еще не обнаружено, и, следовательно, фольклорные рассказы — пока единственный источник, позволяющий воссоздать хотя бы приближенную к исторической действительности картину этого значительного события этнической истории самодийских народов Енисейского Севера.

К числу источников, которые необходимо привлекать для исследования этнической истории народов Севера, следует отнести и работы в области географии и биологии тундровых животных. Используя данные этих наук, И. И. Крупник, например, приходит к выводу, что крупней-

[66] См. «Сборник Русского Исторического общества». М., 1907, т. 123.

[67] Подробнее см.: *В. И. Васильев.* Проблемы формирования енисейских ненцев.— В сб.: «Этногенез и этническая история народов Севера», М., 1975.

ший скачок в развитии производительных сил коренного населения тундровой зоны, связанный со становлением крупнотабунного оленеводства как превалирующего направления традиционной экономики, был во многом обусловлен сокращением численности диких северных оленей из-за неблагоприятных климатических условий[68]. Значительный рост поголовья домашних оленей, датируемый для Европейского Севера и Чукотки началом, а для Севера Западной Сибири — второй половиной XIX в., по существу означал переход коренного населения от присваивающей экономики к производящей. Это в свою очередь обусловило существенный демографический рост численности населения[69], необходимость освоения новых пастбищных территорий. Результатом явились военные столкновения ненцев с соседними народами, в частности получившие отражение в фольклоре события ненецкой «войны» середины XIX в.

К важнейшим источникам изучения этнической истории следует отнести сведения, полученные путем непосредственного этнографического опроса изучаемого народа. В районах, контактных с другими народностями, немаловажное значение может иметь фиксация изменений, выявляемых в процессе изучения эволюции тех или иных элементов материальной культуры. При этом, однако, следует очень четко различать, на какой основе произошли или происходят эти изменения, имеется ли в данном случае этническое или же культурное влияние другого этноса (этносов) или оба эти фактора действуют одновременно.

Методика сбора полевых материалов по этнической истории включает составление первичных семейно-кустовых генеалогических схем, которые в ходе работы с информаторами затем дополняются и уточняются. Эта методика была разработана и апробирована автором на протяжении ряда экспедиций в районы расселения ненцев и энцев. Ниже даем ее сжатое изложение.

На первом этапе, еще до выезда в поле, по данным архивных документов, литературе, полевым материалам прошлых лет устанавливаются этнографические или административно-территориальные группы народностей, которые должны стать объектом изучения будущего экспедиционного года. Полевую работу исследователь начинает с выборки сведений о браках, рождениях, смертях представителей изучаемой этнографической группы за период с начала 1920-х годов до наших дней (при отсутствии метрических материалов дореволюционного времени). Сведения, полученные в районных, окружных и городских загсах, систематизируются по отдельным фамилиям и отчествам в виде семейно-кустовых схем, которые затем дополняются материалами похозяйственных книг сельских Советов.

На следующем этапе первичные семейно-кустовые схемы проверяются, уточняются, дополняются путем непосредственного этнографического опроса представителей каждой из таких семейно-родственных единиц, начиная со старшего из ныне живущих людей. По каждой из выделенных семейно-родственных единиц необходимо опросить не менее двух-трех человек как по мужской, так и по женской линии.

Обычная схема опроса в поле следующая.

1. Сведения об отце и матери Эго (место рождения, время приезда в данный район или поселок), знание родного языка и языка представителей других этнических групп, родовая принадлежность, девичья фамилия матери.

2. Братья и сестры Эго (в порядке старшинства как ныне живущие, так и умершие), их жены (родовая и фамильная принадлежность) и дети, место рождения и

[68] *И. И. Крупник.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— СЭ, 1976, № 2.

[69] Там же, с. 67.

современное местожительство, знание родного языка и языков представителей других этнических групп.

3. Братья и сестры отца Эго (характер опроса тот же, что и по пункту 1).

4. Братья и сестры матери Эго (характер опроса тот же, что и по пунктам 1, 2).

5. Дед, бабка, прадед, пробабка Эго по обеим линиям (характер опроса тот же, что и по пункту 1).

6. Жена Эго (девичья фамилия, родовая принадлежность, далее характер опроса тот же, что и по пункту 1).

7. Дети и внуки Эго (характер опроса тот же, что по пункту 2).

Применение предварительных рабочих схем семейно-родственных коллективов по каждой фамилии позволяет сравнительно просто входить в контакт с информаторами, быстро пробуждать у них интерес к проводимой работе. В течение 5—6 дней можно охватить обследованием группу, включающую 600—800 чел.

Существенным методическим приемом при работе с информаторами по генеалогическим схемам является использование терминологии родства и свойства. Кроме того, что при этом фиксируется и уточняется сама терминология, ее введение в опрос позволяет в ряде случаев выявить максимально возможный круг родственников и свойственников Эго.

Материалы генеалогического опроса в целом дают полную картину, характеризующую этническую и семейно-родовую структуру населения определенного сельсовета или территориальной группы, которую составляют обычно жители нескольких сельсоветов. Семейный состав коренного населения по этим материалам может быть реконструирован на глубину трех-четырех поколений, что в свою очередь позволяет проследить этническое развитие той или иной территориальной группы на протяжении 75—100 лет.

Кроме чисто демографических сведений, генеалогический опрос дает следующие результаты:

1. Устанавливается реальная картина расселения отдельных семей или их представителей на протяжении очерченного отрезка времени.

2. Выявляются характер и направленность семейно-родовых и внешнетерриториальных контактов, наличие или отсутствие экзогамно-фратриальных или экзогамно-родовых запретов.

3. Устанавливается степень этнического размежевания представителей различных народностей, живущих в пределах определенного поселка, сельсовета или территориальной группы, процент смешанных браков, разговорный язык в смешанных семьях, характер и направленность языкового смешения.

4. Выявляются уровень урбанизации коренного населения, преимущественная ее направленность, а также причины переселения в города конкретных представителей коренных народностей, их поло-возрастной состав и профессионально-образовательный уровень.

Данные, полученные путем генеалогического опроса на верхнем пределе (отец — дед — прадед Эго), могут быть существенно пополнены и углублены за счет архивных и статистических материалов. В результате картина генеалогического развития отдельных семей в перспективе может быть прослежена на порядок восьми-десяти поколений, т. е. на протяжении двух-трех столетий.

* *
*

Как нам кажется, изложенные выше материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что, хотя при работе над проблемами формирования и этнического развития одного и того же народа в целом

привлекаются сходные категории источников, их значимость при решении вопросов этногенеза, с одной стороны, и этнической истории — с другой, существенно различается. Как было показано в нашей статье, при исследовании второй из перечисленных проблем основными становятся исторические письменные источники и этнографические, в особенности полевые, материалы, получаемые непосредственно в районах расселения изучаемых народностей.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, для Заполярной и Приполярной ойкумены Северо-Европейского и Сибирского регионов объем накопленных материалов по этногенетической и этноисторической тематике следует признать вполне достаточным для решения вопросов формирования не только отдельных этносов, но и всех народов данной географической области, поскольку, как справедливо отмечал Ю. В. Бромлей, «их происхождение в подобных регионах обычно переплетается теснейшим образом»[70].

PROBLEMS IN THE ETHNOGENESIS AND ETHNIC HISTORY OF THE PEOPLES OF THE NORTH (BASED UPON SAMODIYAN DATA)

The author stresses the distinction between the terms «ethnogenesis» and «ethnic history», ethnogenesis being the process by which an ethnos first comes into being, becomes formed from heterogeneous (linguistically, racially) ethnic components, while the term ethnic history applies to the process of historical development of an already existing ethnos.

In common with the overwhelming majority of Soviet scholars the author shares the view that these problems should be studied in the course of over-all interdisciplinary research; at the same time he points out the different role played by the various disciplines (archaeology, physical anthropology, linguistics, ethnography etc.) in studying the ethnogenetic processes and ethnic history of different peoples or ethnic (ethno-linguistic) groups. He adduces materials on peoples belonging to the North Samodiyan group (Nenets, Ens, Nganasans) which show that in studying the problems of their ethnogenesis the foremost place is taken by linguistics, archaeology and anthropology, while in dealing with events in their ethnic history greater importance is attached to written sources (primarily archive documents) and ethnographical field data.

[70] *Ю. В. Бромлей.* Этнография на современном этапе, с. 67.